OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Пасс А. А. Советское государство и промысловая кооперация во второй половине 1945—1947 годов : от «ручного управления» к рыночному соглашению» / А. А. Пасс, В. М. Дида // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 463—486. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-463-486.

Pass, A. A., Dida, V. M. (2025). Soviet State and Industrial Cooperation in Second Half of 1945–1947: From “Manual Management” to Market Agreement. *Nauchnyi dialog, 14* (7): 463-486. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-463-486. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Советское государство и промысловая кооперация во второй половине 1945—1947 годов: от «ручного управления» к рыночному соглашению»

Пасс Андрей Аркадьевич
orcid.org/0000-0002-5904-0643
доктор исторических наук,
профессор кафедры политических наук
и международных отношений,
корреспондирующий автор
pass_andrey@mail.ru

Дида Вадим Маркович
orcid.org/0009-0009-4444-546X
аспирант кафедры политических наук
и международных отношений
dida_vadim@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда и
Правительства Челябинской области
№ 25-28-20066,
соглашение от 14.05.2025 г.,
https://rscf.ru/project/25-28-20066/

Soviet State and Industrial Cooperation in Second Half of 1945–1947: From “Manual Management” to Market Agreement

Andrey A. Pass
orcid.org/0000-0002-5904-0643
Doctor of History, Professor,
Department of Political Sciences
and International Relations,
corresponding author
pass_andrey@mail.ru

Vadim M. Dida
orcid.org/0009-0009-4444-546X
Postgraduate Student, Department
of Political Sciences
and International Relations
dida_vadim@mail.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation
and the Government Chelyabinsk Region,
project number № 25-28-20066,
agreement dated 14.05.2025,
https://rscf.ru/project/25-28-20066/

© Пасс А. А., Дида В. М., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются методы руководства кооперативной промышленностью в связи с ее переводом на выпуск гражданской продукции в 1945—1947 годах. Рассматриваются мнения ведущих отечественных и зарубежных исследователей по заявленной теме. Источниками выступили опубликованные и архивные документы. Впервые вводятся в научный оборот данные по Челябинской области о структуре, численности персонала и объеме производства артелей, входивших в областную промысловую систему. Уделяется внимание проблемам, с которыми сталкивались малые негосударственные предприятия, таким как несовершенство процедуры ценообразования, рост себестоимости продукции по причине изношенности оборудования и сокращения поставок централизованных фондов сырья, неудовлетворительные качество и ассортимент изделий, острая нехватка оборотных средств и, как следствие, отток квалифицированных кадров. Выполнен обзор послевоенных правительственных постановлений 1945—1947 годов и практической деятельности местных партийных и советских органов по их реализации, который свидетельствует об изменении политического курса по отношению к кооперативному сектору экономики. Авторы приходят к выводу, что проводимые мероприятия знаменовали собой переход от мобилизационной модели управления «вручную» к «рыночному соглашению», обусловившему усиление государственной поддержки при расширении сферы денежных мотиваций и самостоятельно принимаемых решений.

Ключевые слова:
СССР; послевоенная конверсия народного хозяйства; промысловая кооперация; производство товаров и услуг; экономическое стимулирование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the management methods of cooperative industry in the context of its transition to the production of civilian goods during the years 1945–1947. It examines the perspectives of leading domestic and international researchers on the topic. The sources include both published and archival documents. For the first time, data from the Chelyabinsk region concerning the structure, personnel numbers, and production volumes of cooperatives within the regional industrial system are introduced into scholarly discourse. The research addresses the challenges faced by small non-state enterprises, such as the inadequacies in pricing procedures, rising production costs due to equipment wear and tear, reduced supplies from centralized raw material funds, unsatisfactory product quality and range, acute shortages of working capital, and the resulting outflow of qualified personnel. A review of post-war government decrees from 1945 to 1947 and the practical activities of local party and Soviet bodies in implementing these policies indicates a shift in political strategy regarding the cooperative sector of the economy. The authors conclude that these initiatives marked a transition from a mobilization model of “manual” management to a “market agreement,” characterized by increased state support alongside an expansion of monetary incentives and autonomously made decisions.

Key words:
USSR; Post-War Conversion of the National Economy; Industrial Cooperation; Production of Goods and Services; Economic Incentives.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:334.732(47)“1945/1947”
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-463-486

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Советское государство и промысловая кооперация во второй половине 1945—1947 годов: от «ручного управления» к рыночному соглашению»

© Пасс А. А., Дида В. М., 2025

1. Введение = Introduction

Победа над нацистской Германией открыла новую страницу отечественной истории. СССР обрел статус военной сверхдержавы и обеспечил по периметру своих границ пояс безопасности, состоящий из лояльных политических режимов. Перед страной встала задача выработать экономический курс, способный в кратчайшие сроки восстановить народное хозяйство, провести конверсию и ощутимо поднять уровень жизни народа, настрадавшегося за годы войны. Определенная роль в этом отводилась системе промысловой кооперации, функционировавшей на основе хозяйственного расчета, выборности руководящих органов (председателя, правления, ревизионной комиссии) и распределения части полученной прибыли среди членов-пайщиков в качестве дополнительного источника трудового дохода. Отмеченные особенности обусловили диверсификацию методов управления кооперативной промышленностью в мирное время: жесткое администрирование постепенно заменялось экономическим стимулированием, что благоприятно отражалось на развитии низовой сети артелей, их производственном и финансовом потенциале, а также на общем состоянии социальной сферы в стране.

Актуальность избранной темы определяется тем, что совершенствование экономической системы современного российского общества в новых реалиях требует тщательного изучения альтернативных хозяйственных структур, которые, как показывает практика, в условиях транзитивных изменений и кардинальных реформ не только не сокращаются, но, напротив, демонстрируют способность к расширению ареала своего применения. Тем самым актуализируется исторический опыт существования в России «эксполярных» (снимающих, по мысли английского философа Т. Шанина, противоречия между трудом, капиталом и администрированием [Шанин, 1990, с. 109—115]) и укорененных в национальной традиции форм социально-экономической активности.

На материале Челябинской области рассмотрен один из сегментов народного хозяйства СССР, а именно кооперативная промышленность в первые послевоенные годы, когда процессы частичной демилитаризации существенно изменили принципы ее функционирования. Работа претендует на оригинальный концептуальный подход к оценке места и роли промысловых артелей в системе хозяйственных отношений и связей, установленных в результате «социалистической» модернизации.

До недавнего времени развитие производственных кооперативов в восстановительный период, и, в частности, в Южно-Уральском регионе, не являлось предметом специальных научных изысканий. Исключение составляет публикация А. Ю. Воробьевой, где в общих чертах определены методы партийного руководства их деятельностью, в также особенности сырьевого, кадрового и производственно-технического обеспечения, что позволило сделать вывод о заметной роли промысловых кооперативов в поддержании пропорционального развития советской экономики [Воробьева, 2009].

Соображения, изложенные в настоящей статье, доказывают тезис о сохранении и укреплении многоукладности советского социума в 1946—1947 годах, трактуемой правящими кругами как вынужденная мера, терпимая до тех пор, пока социалистическая экономика не оправится от потерь, понесенных в ходе войны. В арсенале средств воздействия на экономических акторов, базировавшихся на кооперативной собственности, сочетались директивно-волевые, идеологические и монетарные практики. При этом промартели в целях максимизации своей полезности вынужденно использовали теневые и внелегальные практики.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой работы послужили периодическая печать, опубликованные документы и неопубликованные материалы, почерпнутые в двух федеральных (ГАРФ, РГАЭ) и одном региональном архиве (ОГАЧО).

Опубликованные источники представлены нормативно-правовыми актами, статистическими сборниками, периодическими изданиями. Так, из текста «Закона о 5-летнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР» можно узнать, какие первоочередные задачи была призвана решать промкооперация. На страницах областной газеты освещались текущие события из жизни артельщиков.

Вопросы руководства кооперативными предприятиями отражены в ряде постановлений Правительства СССР, совместных решениях бюро партийных комитетов и исполкомов Советов. Представляют интерес данные об обследованиях артелей, которые проводились комиссией партийного контроля, финансовыми органами, Главным управлением по делам по-

требительской и промысловой кооперации при СНК СССР. Делопроизводственные материалы областных промысловых союзов содержат сведения о планировании, организации производства и сбыта, подготовке кадров, а также витальных стратегиях в условиях послевоенной конверсии.

В методологическом плане авторы опирались на институциональный подход, которому присущ ряд общих положений, способных играть роль научной парадигмы при обращении к историческим реалиям социально-экономического развития. Ориентиром послужили выводы «теории трансакционных издержек», «экономической теории прав собственности», «теории общественного выбора»: 1) высокие затраты, связанные с обменом и защитой правомочий при заключении договоров и сделок, препятствуют оптимальному для контрагентов использованию наличных ресурсов; 2) формальный, титульный владелец не всегда является реальным собственником, функции которого может присвоить управляющая структура — орган власти, юридическое или физическое лицо; 3) не существует абсолютной границы государства. Степень этатизма определяется совокупностью конкретных экономических, социальных и политических условий, в которых оказался данный социум, а также настроениями и предпочтениями составляющих его этносов и групп.

В советской исторической науке кооперативная проблематика традиционно рассматривалась сквозь призму идеологических стереотипов. Непререкаемым считалось утверждение о том, что коллективные негосударственные предприятия олицетворяют собой подсобный уклад, в котором доминирует групповой, а значит, частный интерес. Следовательно, социалистический строй со временем их «адсорбирует».

Новым витком интереса к истории промысловой кооперации, но уже без доктринальных предубеждений, ознаменовался рубеж XX—XXI веков и последующие десятилетия. Усилиями И. И. Никонова, Б. Д. Цыренова, Ю. Т. Никонова, А. А. Пасса, И. Н. Балахоновой, Н. Я. Чуваева, А. В. Печаловой на материалах областей и автономных республик были раскрыты не изученные ранее вопросы, в частности: мотивация труда, социальное положение, материально-бытовые условия членов промысловых артелей. Подчеркивалась востребованность кооперации как социально-экономической системы в военные и послевоенные годы [Никонов, 1999; Цыренов, 2000; Никонов, 2000; Пасс, 2000; Балахонова, 2009; Чуваев, 2010; Печалова, 2023]. Указанные работы содержат обширные данные для применения сравнительно-исторического подхода.

Деятельность кооперативов применительно к заявленному хронологическому отрезку стала предметом изучения Джули Хесслер, Е. Д. Твердюковой, И. А. Чуднова и В. А. Осипова, В. В. Аксарина. Ими затрагивались

такие аспекты, как направления и эффективность государственного регулирования, теневой оборот товаров и услуг, сложные взаимоотношения с так называемыми «частными предпринимателями» [Hessler, 1998; Твердюкова, 2011; Чуднов и др., 2013, Аксарин, 2020].

Очевидно, что на сегодняшний день кооперативная промышленность на федеральном и местном уровнях стала самостоятельным предметом изучения. Однако обзор имеющихся работ, за редким исключением, свидетельствует об описательности изложения, что пока не позволяет выстроить целостную объяснительную модель, которая бы исчерпывающе определила место и роль промысловых товариществ в кризисные и посткризисные периоды развития сталинской мобилизационной экономики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Послевоенная реорганизация системы промысловой кооперации

В годы Великой Отечественной войны артельщики наряду с выполнением военных заказов производили обширную номенклатуру товаров широкого потребления. Так, промысловые товарищества Челябинской области в 1941—1945 годах поставили в армию боеприпасов и различного снаряжения на сумму более 50 млн руб., а предметов первой необходимости для населения изготовили почти на 4 млрд руб. (в неизменных ценах 1932 года). На 1 января 1946 года областное управление промкооперации объединяло 5 областных и 1 межрайонный союз, куда входили 123 товарищества с численностью занятых 12 302 человека. За 1945 год они произвели продукции на 135 млн руб., из них товаров широкого потребления — на 117,8 млн руб. Кооперация инвалидов в регионе состояла из 40 артелей, в них трудилось 3097 членов. Годовая выработка определялась суммой в 22,2 млн руб. [Пасс, 2002, с. 148, 172, 222-225].

По сравнению с довоенным 1940 годом общее число промысловых кооперативов в области сократилось с 270 до 163, персонала стало меньше на 13 082 человека. Несмотря на то, что валовое производство за пять лет выросло почти на 46 млн руб. [Там же, с. 222—225], план выпуска продукции в 1945 году был выполнен всего на 80 %, в ассортиментном разрезе — на 20 %. Значительная часть товаров из-за низкого качества не находила сбыта и оседала на складах. Как следствие, возникал дефицит оборотных средств. Число убыточных предприятий увеличилось до 39. На некоторых из них зарплата работникам не выплачивалась по 2—5 месяцев. Имели место хищения и растраты [ОГАЧО, ф. 288, оп. 10, д. 21, л. 2,3.]. В подобном положении находилось большинство российских облпромсоветов (в дальнейшем для их обозначения будет использоваться аббревиатура ОПС).

Нисходящий тренд был вызван постепенным снятием с облпромсоветов, начиная с 1944 года, военных заказов, которые исправно обеспечивались материалами и хорошо оплачивались. Это нарушало сложившиеся хозяйственные связи. Усилилась текучесть кадров, поскольку эвакуированные и трудмобилизованные, часть которых ранее работала в промартелях, возвращались на прежнее место жительства, молодых артельщиков стали массово призывать в ремесленные училища, женщины прекращали членство в кооперативе ввиду возвращения мужей из армии и проч. Как видим, проблем у кооператоров Южного Урала к началу восстановительного периода имелось предостаточно. Требовалось предпринять решительные действия.

В октябре 1945 года и в ноябре 1946 года промысловая система подверглась переформатированию. Сначала по распоряжению Правительства РСФСР аппарат уполномоченных Управления промкооперации при Совнаркоме РСФСР по областям, краям, автономным республикам и городам республиканского подчинения преобразовали в управления промысловой кооперации при исполнительных комитетах областных и городских Советов. Данный шаг представлял собой попытку увязать руководство промсистемой с непосредственными нуждами территории, где она располагалась. События последующих трех лет показали, что это решение оживило деятельность артелей, не только способствовало раскрепощению их инициативы, но и предопределило конструктивное, взаимовыгодное сотрудничество с местными органами власти, в первую очередь финансовыми отделами исполкомов, которые рассматривали товарищества как значимый источник денежных поступлений в казну. Оборотной стороной медали явилось подозрение союзного центра в лице Наркомата госконтроля, возглавляемого Л. З. Мехлисом, в протаскивании идеи «ползучей» легализации частника некоторыми аполитичными специалистами-технократами.

В ноябре 1946 года было учреждено Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации при Совете Министров СССР. В состав нового ведомства входили организационное и контрольное управления, управление делами, а также отделы кооперативной торговли, финансов, заготовок, планово-экономический, производственно-технический, кадровый, юридический и секретный. Главукооп (или сокращенно ГУК) готовило для Правительства проекты постановлений по вопросам кооперации, представляло заключения по планам и отчетам ее производственной, торгово-заготовительной и снабженческой деятельности, кредитным операциям. Оно также осуществляло государственный надзор за работой кооперативных организаций, соблюдением ими уставов артелей. В регионах создавались службы старших инспекторов ГУК, которые игра-

ли роль «государева ока». По мнению некоторых специалистов-историков, широкие полномочия, данные правительством Главукоопу, делали его «министерством» кооперации с неизбежным ущемлением демократических положений, по которым строилась ее жизнь [Чуднов и др., 2013, с. 177]. Однако с учетом реалий тех лет можно сказать, что новое ведомство играло роль своеобразного барьера, призванного оградить артельщиков от чрезмерной «погони за прибылью» в ущерб производству очень нужных в обиходе, но недорогих изделий, объем выпуска и стоимость которых регламентировали местные власти.

С одной стороны, описанные меры демонстрировали желание определенной части партийно-советской номенклатуры как-то помочь кооперативному сектору, чтобы не допустить его коллапса и не усугублять кризис потребления. При этом некоторые высокопоставленные деятели намеревались всячески пресекать распространение «теневых» (не учитываемых контрольными органами) приемов поддержания жизнеспособности малых негосударственных предприятий, поскольку они дискредитировали марксистско-ленинские принципы социализма и снижали лояльность граждан по отношению к существующему строю. С другой стороны, сформировалось четкое понимание, что одними организационными «улучшениями» уже не обойтись. На повестке дня стоял вопрос о предоставлении определенных преференций тем экономическим агентам, которые могли ощутимо повлиять на ситуацию со снабжением населения.

Поэтому уже 22 августа 1945 года СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов» [Решения партии и правительства …, 1968, с. 232—237]. Этим документом все бездействующее оборудование с заводов союзно-республиканского подчинения передавалось артельщикам безвозмездно, а пригодные для переработки отходы оценивались в пределах 70 % стоимости полноценных материалов. Рассчитываться за последние разрешалось готовой продукцией.

Кроме того, в полном распоряжении кооператоров оставались: 1) отобранный на базах Главвторчермета металлолом, который в дальнейшем использовался для производства предметов первой необходимости; 2) самостоятельно заготовленная древесина и выращенная сельскохозяйственная продукция. Пищевые товарищества получали в пользование крупные земельные участки на срок не менее 10 лет. Ряд товаров (телеги, мебель, тара, стройматериалы и др.), выпускаемых промысловиками, не подлежал централизованному распределению. Их реализация допускалась по хозяйственным договорам, а также на рынке по сложившимся ценам. Разреша-

лось продавать через собственную торговую сеть без карточек своим членам до 75 % предметов ширпотреба, выпускаемых кустарными предприятиями сверх квартального плана. Пятьдесят процентов сверхплановой прибыли оставалась в распоряжении артелей с условием, что половина ее будет направлена на развитие подсобных хозяйств и кульсоцбыт, а половина — на премирование отличившихся работников, причем передовики удостаивались нагрудного знака «Отличник социалистического соревнования промысловой кооперации» или «Отличник социалистического соревнования кооперации инвалидов». После 1 января 1945 года для впервые зарегистрированных артелей дешевели кредиты Торгбанка с 4 % до 3 % годовых, а для коллективных предприятий, вырабатывавших стройматериалы или занятых добычей топлива, — до 2 %. Если доля фондового сырья не превышала одной четверти от всех материалов, задействованных в изготовлении данного артикула, то производитель в течение 2-х лет освобождался от налога с оборота, бюджетной наценки и подоходного налога.

Постановление означало частичное снятие с промысловой кооперации некоторых правовых и хозяйственных ограничений, введенных в годы Великой Отечественной войны, и создание для нее более приемлемой институциональной среды. Например, Катав-Ивановская артель «Авангард», созданная в январе 1946 года, благодаря предоставленным льготам снизила издержки по кожаной и валеной обуви на половину и начала получать заказы из Златоуста, Магнитогорска, Челябинска. Полученная прибыль позволила ей развернуть выпуск ковровых и трикотажных изделий [Баннов, 1946]. Смысл также состоял в том, чтобы оперативно и безболезненно переориентировать кооперативы на выпуск исключительно гражданской продукции и тем самым смягчить продолжающийся товарный голод. Намерение властей включить денежные механизмы и упрочить легальные рыночные связи между местными производителями и потребителями после окончания войны стало очевидным, тем более что с ноября 1943 года на освобожденных от врага территориях была разрешена, вошла в повседневную жизнь и стала привычной частная торговля [Аполовников, 2021, с. 134]. В кулуарах Наркомата финансов с подачи начальника Управления по налогам и сборам Г. Л. Марьяхина всерьез обсуждалась идея легализации ряда промыслов, которыми де-факто занимались незарегистрированные «предприниматели». Этим дискуссиям не только не препятствовал, но с интересом следил за ними И. В. Сталин [Hessler, 1998, pp. 528,529]. Народ заговорил о грядущем «неонэпе». Например, свердловский комсомолец А. Безукладников еще в июне 1945 года в письме к М. И. Калинину просил разъяснить особенности данной политики на современном этапе [Кожурин, 1995, с. 141,142].

3.2. Производство и реализация товаров широкого потребления из местного сырья как основная задача промысловой кооперации

Одним из первых, кто в начале февраля 1946 года открыто с официальной трибуны заговорил о необходимости учитывать возможности кооперативной промышленности в деле повышения благосостояния советских граждан, был Л. П. Берия. Так, на собрании избирателей Тбилисского Сталинского избирательного округа, по которому он, будучи заместителем Председателя СНК СССР, баллотировался в депутаты Верховного Совета, Лаврентий Павлович заявил, что расширение производства ширпотреба из местного сырья, главным образом силами местной промышленности и промкооперации, имеет большое значение для улучшения снабжения населения и заслуживает того, чтобы ему уделялось большее внимание [Правда, 1946].

Спустя месяц публикуется «Закон о 5-летнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР». Перед кооперативной промышленностью ставилась задача увеличить выпуск товаров для населения, строительных материалов, а также изделий, нехватка которых остро ощущалась в колхозах: упряжи, повозок, саней, простейшего конного и ручного инвентаря. Подчеркивалось, что предметы домашнего обихода должны отличаться высоким качеством, разнообразным ассортиментом и продаваться по общедоступным ценам. Предполагалось к концу четвертой пятилетки поднять в промысловой кооперации производство мебели на 30 %, трикотажа — на 25—30 %, кирпича — в 2,1 раза, торфа — на 64 %, угля — на 77 %, развить сеть ателье и мастерских по пошиву и ремонту одежды и обуви [Директивы КПСС …, 1958, с. 32].

Руководители кооперации в регионах, ознакомившись с директивами, обратили внимание контролирующих инстанций на имеющиеся «нюансы», которые препятствовали осуществлению провозглашенного курса. Так, в докладной записке начальника управления промкооперации при Челябинском облисполкоме Лапуховского уполномоченному Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области А. Н. Бакину, датированной 11 марта 1946 года, указывалось на плохое финансовое состояние ряда артелей, вызванное распоряжением местных властей перейти от установления отпускных цен по фактической калькуляции с учетом затрат на сырье и прочие переменные расходы, как это было в годы войны, к утвержденным прейскурантам, рассчитанным на отчетный период, как правило, на год [ОГАЧО, ф. 297, оп. 2, д. 945, л. 173—182]. Для того чтобы их изменить вслед за конъюнктурой, требовались время, настойчивость и убедительные аргументы. В ответ чиновники обычно советовали снижать себестоимость, не допускать затоваривания неходовыми изделиями.

Однако теперь большую часть материалов приходилось заготавливать самостоятельно. Оплата услуг «толкачей», погрузочно-разгрузочных работ и транспорта удорожила поставки примерно наполовину. Изменение ассортимента в пользу гражданской продукции также увеличило издержки, поскольку сопровождалось усложнением технологических процессов. Скажем, металлическая артель «им. Куйбышева» раньше делала арматуру и литье методом грубой штамповки для Наркомата обороны по относительно высокой цене. Когда спецзаказы сняли, она начала изготавливать кровати, оконную фурнитуру и проч., то есть весьма трудоемкую и гораздо менее дорогую продукцию. Товарищество «Новый путь» вынуждено было прекратить выпуск простой тарной дощечки для ящиков, предназначенных к перевозке артиллерийских снарядов (за каждый оборонное ведомство платило по 17 руб.), и перепрофилироваться на обоз, оконные рамы, предметы мебели. Справиться с задачей могли только квалифицированные рабочие, которых еще предстояло подготовить. Естественно, все это отражалось на рентабельности и ставило под вопрос дальнейшее расширение и совершенствование производства.

Чтобы облегчить промысловой кооперации переход на мирные рельсы, был принят ряд мер по улучшению ее обеспечения и укреплению технической базы. Так, по сравнению с первым полугодием, во втором полугодии 1946 года Челябинский облпромсовет стал лучше снабжаться тканями, нитками, кожевенными полуфабрикатами, пряжей, шерстью, чугуном. Увеличение поставок выразилось суммой в 2,5 млн руб. Параллельно южно-уральские кооператоры построили и запустили в г. Миассе завод резиновых изделий и чугунолитейную мастерскую, переоборудовали листопрокатный цех в Магнитогорске, механизировали две крупных пимокатных мастерских и электрифицировали три артели. Помимо этого, началось сооружение горна для обжига керамической посуды в Нижней Увелке. Металлообрабатывающие товарищества получили почти два десятка штамповочных прессов, что позволило увеличить выработку простейшего сельхозинвентаря, инструмента и скобяных изделий [ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 31, л. 92—100].

Однако быстро добиться ощутимого подъема уровня жизни жителей области не получилось. Мешали слаженной работе кадровая чехарда, которая обусловливалась в том числе снятием артельщиков с централизованного снабжения хлебом, запущенность бухгалтерского учета, провоцировавшая приписки и хищения, изношенность оборудования и острая нехватка запчастей. Но главная причина виделась в том, что промкооперация в сложившихся обстоятельствах шла по пути наименьшего сопротивления и продавала свою продукцию оптом по хоздоговорам различным организациям непосредственно со складов, а потому потеряла связь с потенциаль-

ными покупателями и не могла соответствовать их запросам. Городские рынки оказались во власти лоточников и криминальных элементов, не пускавших к торговым местам ни колхозников, привозивших сельхозпродукты, ни промысловиков с промтоварами. Поэтому они, в лучшем случае, сбывали их перекупщикам, которые назначали завышенные цены, непосильные для большинства простых граждан.

Уместно привести свидетельство итальянского коммуниста Этторе Ванни, волею судьбы оказавшегося в описываемое время на базаре возле железнодорожного вокзала в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). Его поразили грязные, полуоткрытые уборные возле одного из входов с тысячами мух, невыносимым зловонием и морем грязи вокруг. Рядом на прилавках были разложены все виды табака, белого хлеба, «и все, что только может себе представить человеческая фантазия: от бюстгальтеров до электрических обогревателей, от металлической походной кровати до военных наград с соответствующими документами, проштампованными и подписанными, чтобы желающий мог зарегистрироваться от своего имени». Здесь же какие-то люди играли в карты, неподалеку располагался «гостевой» дом, где посетителям предлагались водка, американские консервы и яичный порошок, а также «популярные» развлечения [Hessler, 2004, p. 271].

Советские вожди воспринимали сложившиеся реалии как вызов и понимали, что народ-победитель достоин лучшей участи. Но как обуздать рыночную вакханалию, навести порядок в каналах распределения и добиться удовлетворения первоочередных нужд трудящихся? Здравый смысл и прошлый опыт подсказывали, что государственные торги и снабы в принципе не способны эффективно организовать свободный, а не «привилегированный» оборот товаров, особенно когда в каждом отдельном случае надо приспосабливаться к местным условиям и учитывать специфику каждого «местечка» и каждого месяца работы.

Еще свежи были в памяти попытки передать оптовые базы и торговые точки сельской потребительской кооперации, которую в 1942 году буквально захлестнул вал воровства и злоупотреблений, в ведение специально создаваемого при Наркомате торговли Управления Главсельторга. Однако после того как инициаторы идеи подсчитали сопутствующие издержки, они решили оставить все как есть, ограничившись рекомендацией доукомплектовать ревизионный аппарат райпотребсоюзов и сельпо [РГАЭ, ф. 7971, оп. 16, д. 171, л. 192,193]. Также не забылись факты передачи в госсектор в первый год войны свыше 140 кооперативных предприятий с годовой программой в 600 млн руб. для выполнения спецзаказов Наркомата обороны, что практически лишило некоторые областные промсоветы, например Свердловский, возможности выпускать ширпотреб [ГАРФ,

ф. 395, оп. 1, д. 3, л. 12,13]. Тогда понадобилось срочное вмешательство Управления промкооперации при СНК РСФСР, чтобы остановить тотальные конфискации и не превращать гор(рай)исполкомы в пункты экстренной помощи населению.

В общем, решение лежало на поверхности и заключалось в реанимировании промысловой системы и оказании ей всяческого содействия в восстановлении своей, как сейчас принято говорить, инфраструктуры, которая бы позволила предложить альтернативу не только обнаглевшему от вседозволенности частнику, но и неповоротливым и закосневшим в условиях нормированного снабжения государственным торгующим организациям.

В русле такого подхода Правительство СССР подготовило и опубликовало 9 ноября 1946 года постановление «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» [Директивы КПСС …, 1958, с. 109—120]. В числе наиболее серьезных «пороков и недостатков» их работы назывались следующие: неразвитость товаропроводящей сети; отсутствие децентрализованного закупа излишков сельскохозяйственных продуктов в деревне; недостаточные усилия по вводу в строй новых мощностей и улучшению качества готовых изделий; отказ от конкуренции с государственными магазинами, которые, пользуясь монопольным положением в городах, не заботятся о разнообразии ассортимента и совершенствовании ценовой политики. Отмечалось нежелание кооператоров открывать новые предприятия в тех регионах, где их нет, соответственно, оказывались не задействованными дополнительные трудовые ресурсы. Критике подверглись иждивенческие настроения руководителей артелей, надеявшихся на фондируемые поставки сырья, пренебрегавших привлечением паевых средств и упустивших из рук контроль над кооперативными финансами. В итоговой части преамбулы говорилось о готовности предоставить товариществам ряд налоговых льгот и позволить им принимать более активное участие в ценообразовании на собственную продукцию.

Главное же заключалось в том, что промысловой кооперации и кооперации инвалидов отныне позволялось открывать магазины и павильоны, палатки и ларьки и самостоятельно торговать в них товарами своего производства в городах, рабочих поселках и на селе по ценам, сложившимся на рынке, но не выше тех, что существовали в коммерческой торговле. Последние, как правило, в несколько раз, а то и на порядок превышали «пайковые» расценки, по которым реализовывались продукты и промтовары по карточкам.

Разрешалось без ограничений за наличный и безналичный расчет закупать для переработки разнообразную снедь в колхозах и у крестьян, вы-

полнивших обязательства по госпоставкам; нанимать транспорт, включая железнодорожные вагоны, пароходы и катера, с оплатой по соглашению. Однако до четверти заготовленных продуктов (это касалось кооперации инвалидов) или изделий из них (в промысловых артелях с полноценной рабочей силой) надо было сдавать подразделениям Минторга для продажи в соответствии с государственным заданием. Также санкционировалось приобретение обуви, одежды, предметов домашнего обихода для ремонта и последующей реализации населению.

Товары, изготовленные из местного сырья, а также электроарматура, металлоизделия, школьная канцелярия и галантерея, лыжная мазь(!), освобождались от бюджетной наценки, что делало их прибыльнее для производителя и доступнее для потребителя. Проще становилась процедура кредитования. Деревообрабатывающие артели на десятилетний срок бесплатно наделялись лесосеками, а занятые в них работники — земельными участками площадью 15 соток и сенокосными угодьями до 1 га для обустройства индивидуальных огородов и прокорма скота на личных подворьях. Имелся даже такой любопытный пункт: отныне для выпуска кожаных изделий кооператоры могли использовать шкуры павших животных, которые не засчитывались в плановые поставки.

Среди прочих нововведений можно указать на подключение предприятий союзного подчинения к выполнению заявок на необходимые кооперативам оснастку и приспособления, снятие моратория на распределение 20 % прибыли среди членов товариществ в виде поощрения за добросовестный труд, беспрепятственное инвестирование в капитальное строительство со сметной стоимостью каждого объекта не свыше 2 млн руб., тогда как прежний лимит определялся в 1 млн руб. Запрещались изъятие и передача другим ведомствам и организациям принадлежащего промысловой и инвалидной кооперации имущества: цехов, зданий, оборудования, транспортных средств и проч. Был положен конец постоянным мобилизациям персонала на посторонние цели со стороны районных властей.

Кроме того, строго регламентировался патентный сбор на осуществление профильной деятельности. Утверждались твердые ставки на год в диапазоне от 1-го до 5-го разряда. Например, производственной артели предписывалось внести 250 руб., если валовый выпуск не превышал 100 тыс. руб. (5 разряд) и 10 тыс. руб. для показателя свыше 3 млн руб. (1 разряд). То же самое касалось торговых кооперативов, только там аналогичным критерием выступала величина годового оборота, а разброс платежей находился в пределах от 100 до 3 тыс. руб. Справиться с данным платежом могло любое, даже не очень успешное товарищество.

Обширная номенклатура товаров, изготовленных на негосударственных малых предприятиях, освобождалась от налога с оборота. Соответственно, доля прибыли в их розничной цене увеличилась. В список вошли машины и запчасти к ним для оборудования отраслей промышленности, транспорта и коммунального хозяйства, станки, инструмент, сельхозинвентарь, строительные метизы, несгораемые шкафы, весы, часовая и металлическая фурнитура, стройматериалы минерального происхождения, поделочный камень, торф, изделия из дерева, протезы, киноаппаратура, а также сельхозпродукты, поступающие в порядке госзакупок и децентрализованных заготовок. Прогрессивный налог на прибыль по ставкам от 23,5 % до 55 %, в зависимости от доходности кооперативного предприятия, заменялся единым в размере 25 % с ежеквартальным взиманием. Особо обращалось внимание на скорейшее восстановление выборности правлений и ревизионных комиссий артелей, обеспечение их регулярной отчетности, подбор руководящих кадров. Помощь в этом должны были оказать местные советские организации.

Любопытная новация в свете выполнения правительственных постановлений от 22 августа 1945 года и 9 ноября 1946 года касалась финансового положения промысловой системы. В соответствии с распоряжением Торгбанка СССР от 29 января 1947 года всем конторам, которые обслуживали расчетные счета кооперативных организаций, предписывалось принять непосредственное участие в утверждении отчетов по основной деятельности облпромсоюзов и артелей. Ставилась задача поиска оптимальных способов их кредитования через санацию неликвидных балансов и рациональное использование имеющейся прибыли, с тем чтобы не допустить закрытия проблемных предприятий. Управляющие местными отделениями банка должны были вносить конкретные предложения, направленные на улучшение коммерческой деятельности последних.

Обычно этому предшествовало фронтальное обследование, проводимое контролером в ранге не ниже начальника отдела. Среди рекомендаций, которые встречались чаще всего, можно назвать специализацию и сокращение издержек производства, инвентаризацию товаро-материальных ценностей на предмет снижения сверхнормативных остатков, укрепление руководства квалифицированными и авторитетными людьми, активизацию ревизионной работы, взыскание ущерба от растрат и хищений, погашение дебиторско-кредиторской задолженности, ежеквартальное предоставление отчетности [ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 38, л. 92—95]. Была очевидна заинтересованность банка в обеспечении финансовой устойчивости клиентуры, и, как правило, такие меры, как предоставление профессионального (абсолютно бесплатного!) консультирования и адресной поддержки в виде целевых ссуд, обеспечивали необходимый эффект. Так, в 1947 году

по инициативе Торгбанка, была разукрупнена магнитогорская артель «Сталинский путь», из нее выделилось товарищество «Пищевик», которое на кредит в 100 тыс. руб. сразу приобрело отдельное здание для размещения двух цехов, складские помещения, овощехранилище, транспорт. Ему также выделили необходимые оборотные средства. К концу года предприятие вышло на запланированные показатели [ОГАЧО, ф.288, оп. 12, д. 150, л. 32]. Расшивка узких мест в денежном обороте челябинских промысловиков позволила им по итогам 5 месяцев 1947 года выполнить полугодовое задание по накоплениям на 110 % [ОГАЧО, ф. 288, оп. 11, д. 334, л. 103].

3.3. Выполнение правительственных директив о работе промысловой кооперации на Южном Урале

Описываемое время характеризовалось безусловным доминированием партийных комитетов на всех этажах административной вертикали. Поэтому вполне закономерно, что первыми на нововведения откликнулись обкомы ВКП(б). Уже в 20-х числах ноября в областном штабе челябинских коммунистов состоялось два совещания: первое — с руководителями промкооперации, кооперации инвалидов и местной промышленности; второе — с заместителями председателей промысловых союзов по работе среди молодежи. В промысловой системе в рассматриваемое время было много молодых людей в возрасте 16—25 лет. Их удельный вес в общем числе занятых достигал 60—80 %. Понятно, что именно они воспринимались как приоритетная группа управляемых.

А 27 ноября всем секретарям горкомов было разослано инструктивное письмо, которое обязывало в течение 10 дней провести соответствующую агитационно-массовую кампанию среди артельщиков и совместно с ними организовать в городах, рабочих поселках, на рынках и станциях железных дорог торговые точки, развозки и разноски для продажи населению товаров, произведенных или заготовленных кооперативными организациями. Сообщать о предпринятых действиях надлежало каждую пятидневку по телеграфу, а к 16 декабря прислать докладные записки персонально первому секретарю ОК Ф. Н. Дадонову [ОГАЧО, ф. 288, оп. 10, л. 314, л. 54,55]. Необыкновенная активность высокого областного начальства и его категорическое требование регулярной обратной связи наталкивает на мысль, что столичный центр не только объявил о смене приоритетов по одному из ключевых направлений социальной политики, но и по свои каналам дал понять региональной номенклатуре, что эти новации задуманы «всерьез и надолго» как подготовительные шаги к грядущей отмене карточек, денежной и ценовой реформам.

Высказанная догадка подтверждается тем, что 19 декабря 1946 года бюро ОК собралось, чтобы заслушать отчеты с мест и детально разобраться в вопросе. Промежуточные результаты не радовали, так как облпромкоопе-

рация вкупе с облкоопинсоюзом провалили важное задание, несмотря на то, что оно не являлось непосильным. Магазинов и ларьков при плане 33 единицы открыли на десяток меньше, в них отсутствовали «фирменные» вещи, имелся лишь низкокачественный и неходовой ширпотреб в ограниченном ассортименте. Сельхоззаготовки оказались в пределах 9 % от намеченного объема: хотели скупить сырья и продуктов на 780 тыс. руб. а фактически приобрели на 72 тыс. руб. По-видимому, сыграло роль неумение оперативно наладить встречный взаимовыгодный обмен с колхозниками по принципу: продовольствие против добротных собственных изделий. Выяснилось также, что под видом артельных заготовителей на село выезжали неустановленные лица, которые создавали ажиотаж и набивали цены.

Конечно, упреки были во многом справедливыми, но какой-либо существенной поддержки кооператоры в тот момент не получили. Это и понятно, ведь для подготовки комплексной программы развития важного сегмента региональной экономики нужно было время. Прозвучал приказ безоговорочно выполнить производственную программу 1947 года, смягчить дефицит предметов потребления в первую очередь в крупных городах Челябинске, Магнитогорске, Златоусте, освободиться от непрофильных заказов. Правда, директора Миасского автомобильного завода обязали выделить промысловикам автомашины, а начальника Южно-Уральской ж/д — вагоны под перевозку торговых грузов. Пообещали также возвратить ранее отобранные помещения и не отвлекать членов товариществ от основной работы. В города и районы отправили ответственных работников для оказания практической помощи [ОГАЧО, ф. 288, оп. 10, д. 96, л. 27—31].

Порой восстановление нарушенных имущественных прав кооператоров происходило только благодаря партийным органам. Так случилось в мае 1946 года, когда директор Подовинного мясомолочного совхоза вынудил к закрытию единственную в Каракульском районе артель «Трудовик», выгнав ее из арендуемых мастерских. После вмешательства в конфликт обкома ВКП(б) «Трудовик» возобновил свою деятельность по бытовому обслуживанию на прежних основаниях [ОГАЧО, ф. 288, оп. 11, д. 334, л. 44].

Нижестоящие инстанции подхватили эстафету. Наиболее значимым было городское звено. В промежутке между декабрем 1946 года и июлем 1947 года Челябинский горком ВКП(б) и горисполком неоднократно обращались к кооперативной теме. Первым делом пересмотрели производственные планы в целях максимального использования отходов флагманов индустрии и излишков сельскохозяйственной продукции в колхозах и приусадебных хозяйствах селян. Кроме того, в артелях состоялись внеочередные отчетно-выборные собрания, по итогам которых свыше трети председателей, утративших доверие из-за неспособности к переменам,

лишились своих должностей. Прежнее руководство горпромкооперации скомпрометировало себя неблаговидными проступками. В частности, начальник челябинского городского управления промкооперации Тартаковский «прославился» грубостью, самоуправством, нетерпимостью к критике. Занимался самоснабжением и приписками. Чаша терпения коллег переполнилась, когда он самолично арестовал и запер в подвале председателя артели «Спартак» Буракова и закройщика Брава, отказавшихся выполнять его незаконные распоряжения. Его заменили на молодого перспективного выдвиженца. [ОГАЧО, ф. 288, оп. 11, д. 260, л. 9].

В столице Южного Урала появились 3 новые артели, 5 магазинов, 13 ларьков, 7 скупочных пунктов, 4 павильона и 14 лотков. Удалось наладить поточное производство гвоздей, хозяйственного мыла, глазурованной посуды, металлических кроватей, детской игрушки, пуговиц, резиновой и валяной обуви, кожзаменителя, средств и аксессуаров для личной гигиены. Кооператоры восстановили и ввели в эксплуатацию из переданного им неисправного оборудования 4 гвоздильных станка, столько же шурупных автоматов, 1 механический пресс, 2 автоматизированных линии по выпуску чулок, 7 узкопрофильных машинных агрегатов. Улучшение оснащенности позволило некоторым малым предприятиям (например, челябинскому товариществу «им. XVIII партсъезда») внедрить конвейерную систему и перейти на работу в 3 смены. В итоге полугодовой план розничного товарооборота городская промкооперация выполнила на 122,5 % (3652,6 тыс. руб.), кооперация инвалидов — на 111,7 % (760 тыс. руб.), тогда как госпромышленность местного подчинения — всего на 45 % (588 тыс. руб.).

Предоставленная возможность самостоятельно заготавливать сырье для производства товаров ширпотреба по свободным ценам, даже несмотря на то, что поначалу ей воспользовалась лишь треть артелей Челябинской области, уже в первом полугодии 1947 года обеспечила увеличение выпуска обуви в 1,5 раза, а особо востребованных трикотажных изделий — в 2 раза. Товарооборот одного из передовиков начинания — Троицкого промыслового товарищества «им. XVII партсъезда» — в течение указанного времени составил более 1300 тыс. руб. («Челябинский рабочий», 26 августа 1947 года) [Салов, 1947]. В докладе секретаря челябинского ГК ВКП(б) по кадрам Петрова, направленном в конце июня 1947 года заместителю секретаря обкома партии Гольбергу, подчеркивалось, что кооперативная торговля стала оказывать серьезное влияние на уровень цен, складывающихся на местных рынках [ОГАЧО, ф. 288, оп. 11, д. 334, л. 45—51].

Нельзя не отметить особую миссию райкомов партии, которые занимались главным образом идейно-политическим воспитанием трудовых коллективов через первичные партячейки. В Челябинском городском управле-

нии промкооперации из 2062 производственных рабочих членов ВКП(б) и ВЛКСМ насчитывалось 313 человек, причем передовиков в этой группе было в полтора раза больше, чем среди беспартийных (соответственно 27 % и 18 %) [ОГАЧО, ф. 92, оп. 6, д. 131, л. 15,16]. Поэтому районные функционеры выступали за увеличение партийно-комсомольской прослойки в артелях, уповая на проверенные временем методы политической агитации: проведение политинформаций, выпуск стенгазет, обсуждение злободневных публикаций в прессе и литературных произведений патриотического содержания. Как аксиома воспринималось утверждение, что идейно подкованный работник будет работать на совесть и с полной отдачей без особой оглядки на вознаграждение. К тому же наличие партийной организации позволяло коммунистам осуществлять провозглашенное в 1934 году на XVII съезде право контроля над хозяйственной деятельностью всех предприятий, включая кооперативные. Но в повседневной жизни оно использовалось не часто, и это вызывало недовольство со стороны номенклатурных работников партаппарата.

Тем временем сознание рядовых партийцев постепенно адаптировалось к переменам. Возникали иные, отличные от прежних аскетических, критерии самореализации и личностного роста. Весьма показательным в данном отношении является выступление секретаря партячейки артели «Металлист» Мифтахова на XI партконференции Сталинского райкома г. Челябинска, состоявшейся 8 февраля 1949 года. Он заявил буквально следующее: «За прошедший год наш кооператив получил свыше 1 млн руб. чистой прибыли. Именно это емко характеризует работу нашей парторганизации и всего коллектива». Возражений не последовало [ОГАЧО, ф. 120, оп. 1, д. 227, л. 29]. Вероятно, потому что выступающего знали, как честного и ответственного человека.

Справедливости ради заметим, что порой сверхплановые накопления — один из значимых результатов — обеспечивались не ударной работой, а различными незаконными манипуляциями. Популярным способом «снижения издержек» являлась экономия на качестве. Скажем, промысловики из «Мебельщика» отказались полировать шкафы и комоды, ограничившись только лакированием. Они же придумали вместо ценной мочальной парги набивать диваны и матрацы дешевой стружкой. Такое модифицированное изделие выглядело (и стоило!) как стандартное, но после непродолжительного использования теряло товарный вид.

Самым распространенным было завышение цен. Артель «им. Тельмана» челябинского обллесхимпромсоюза взяла за правило отпускать свою продукцию оптовыми партиями по розничным расценкам. В итоге пихтовый бальзам обходился покупателям дороже в 1,5 раза, а древесная смола

возрастала в стоимости на треть. Даже за кули (большие рогожные мешки для упаковки сыпучих грузов), приобретение которых не представляло проблемы, изворотливые дельцы от кооперации умудрялись получать до 8 % «лишних» денег, при том что размеры тары произвольно уменьшались, а плотная фактура ткани подменялась плохо сотканной рединой. Сбереженное сырье снова пускалось в дело, гарантируя дополнительные поступления наличности. За подобные ухищрения против председателя товарищества Храмова в августе 1949 года было возбуждено уголовное дело, и он получил 5 лет тюрьмы [ОГАЧО, ф. 493, оп. 1, д. 14, л. 46,49].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в первые послевоенные годы Советский Союз переживал сложную трансформацию, непосредственно затронувшую внутреннюю экономическую политику и общественные отношения. Одним из ключевых вопросов повестки дня стало преодоление товарного дефицита через более полное раскрытие потенциала системы промысловой кооперации. Ей поставили задачу перейти от прямого или косвенного обслуживания государственных предприятий и учреждений к массовому выпуску товаров и услуг для населения.

Возвращение артелей к понятной и привычной деятельности по удовлетворению повседневного спроса сопровождалось поиском оптимальной для власть имущих структуры управления кооперативным сектором, которая бы сочетала в себе большую свободу в выборе стратегии развития и, одновременно, препятствовала аккумулированию незаконных доходов.

Гибкость и быстрая адаптация к изменяющимся социальным условиям послужили предпосылками для превращения производственных кооперативов в своеобразные центры жизнеобеспечения. Правительство предоставило им ряд льгот по снабжению и налогообложению, позволило развернуть собственную торговую сеть, где продовольственные и промышленные товары реализовывались по текущим рыночным ценам. Указанные меры способствовали активизации коллективного предпринимательства, поскольку усиливали утилитарно-прагматические мотивации членов товариществ и снижали их восприимчивость к приказным методам руководства. Вместе с тем они невольно провоцировали распространение неконвенциальных практик, ориентированных не столько на укрепление хозяйственного положения той или иной артели, сколько на личное обогащение. Попыткой разрешения данного конфликта явилось постановление Совета Министров СССР № 1229 от 14 апреля 1948 года «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности» [ГАРФ, ф. 5446, оп. 50, т. 2, д. 3754, л. 119—121], в котором профильным

ведомствам и исполкомам Советов предписывалось «очистить предприятия промысловой и потребительской кооперации, кооперации инвалидов и местной промышленности от спекулятивных элементов» [Там же]. Впрочем, это уже совсем другая история.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Баннов А. У* артели «Авангард» — хорошая репутация / А. Баннов // Челябинский рабочий : [газета]. — 1946. — № 210 (8173). — С. 3.

2. *Выступление* тов. Л. П. Берия на собрании избирателей Тбилисского Сталинского избирательного округа // Правда : [газета]. — 1946. — № 31 (10113). — С. 2.

3. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5446 (Совет Министров СССР) Ф. 5446. Оп. 50. Т. 2. Д. 3754. Л. 119—121 ; Ф. 395 (Управление промысловой кооперации при СНК РСФСР) Ф. 395. Оп. 1. Д. 3. Л. 12,13.

4. *Директивы* КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917—1957). — Москва : Политиздат, 1958. — 706 с.

5. *Кожурин В. С.* Народ и власть (1941—1945). Новые документы / В. С. Кожурин. — Москва : Изд-во Российской академии государственной службы (РАГС), 1995. — 145 с.

6. ОГАЧО — *Объединенный* государственный архив Челябинской области. Ф. 92 (Челябинский горком КПСС) Ф. 92. Оп. 6. Д. 131. Л. 15,16 ; Ф. 120 (Центральный райком КПСС Челябинска) Ф. 120. Оп. 1. Д. 227. Л. 29 ; Ф. 288 (Челябинский обком КПСС) Ф. 288. Оп. 10. Д. 21. Л. 2,3 ; Д. 96. Л. 27—31 ; Д. 314. Л. 54,55 ; Оп. 11. Д. 260. Л. 9 ; Д. 334. Л. 44, 45—51, 103 ; Оп. 12. Д. 150. Л. 32 ; Ф. 297 (Уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Челябинской области) Ф. 297. Оп. 2. Д. 945. Л. 173—182 ; Ф. 493 (Челябинский областной лесохимический промысловый союз) Ф. 493. Оп. 1. Д. 14. Л. 46,49 ; Ф. 965 (Челябинский областной промысловый совет) Ф. 965. Оп. 5. Д. 31. Л. 92—100 ; Д. 38. Л. 92—95.

7. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Москва : Изд-во политической литературы, 1968. — 754 с.

8. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 7971 (Министерство торговли СССР. 1934—1958) Ф. 7971. Оп. 16. Д. 171. Л. 192,193.

9. *Салов В.* Шире развернуть кооперативную торговлю в городах и рабочих поселках / В. Салов // Челябинский рабочий : [газета]. — 1947. — № 169 (8390). — С. 3.

Литература

1. *Аксарин В. В.* Управление по делам промысловой и потребительской кооперации в 1946—1950 годах : взаимодействие центральных и местных органов (на примере Тюменской области) / В. В. Аксарин // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 284—297. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-284-297.

2. *Аполовников А. А.* Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала) / А. А. Аполовников, А. А. Пасс,

М. Н. Потемкина, Н. Л. Усольцева. — Челябинск : Изд-во Челябинского государственного университета, 2021. — 360 с. — ISBN 978-5-7271-1770-5.

3. *Балахонова И. Н.* Осуществление партийно-государственной политики в промысловой кооперации Горьковской области в 1917—1960 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Н. Балахонова. — Нижний Новгород, 2009. — 295 с.

4. *Воробьева А. Ю.* Кооперативная промышленность в восстановительный период в Челябинской области (1945—1950 гг.) / А. Ю. Воробьева // Мобилизационная модель экономики : исторический опыт России XX века : сборник материалов всероссийской научной конференции 28—29 ноября 2009 г. — Челябинск : Энциклопедия, 2009. — С. 399—407. — ISBN 978-5-91274-073-2.

5. *Никонов И. И.* Кооперативное движение России в 30—50-е годы XX века : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / И. И. Никонов. — Кострома, 1999. — 560 с.

6. *Никонов Ю. Т.* История промысловой кооперации Удмуртии. 1920—1960 : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. Т. Никонов. — Ижевск, 2000. — 224 с.

7. *Пасс А. А.* «Другая» экономика : производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939—1945 гг. / А. А. Пасс. — Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2002. — 236 с. — ISBN 5-7271-0579-X.

8. *Пасс А. А.* Кооперативная промышленность и торговля на Урале накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939—1945 гг.) : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. А. Пасс. — Екатеринбург, 2000. — 425 с.

9. *Печалова Л. В.* Промысловая кооперация и кооперация инвалидов в реализации социально-экономической политики Советского государства (1920—1960 гг.) : на материалах Северного Кавказа и Дона : диссертация ... доктора исторических наук : 5.6.1 / Л. В. Печалова. — Ставрополь, 2023. — 589 с.

10. *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х — середина 1950-х гг.) : историко-правовой анализ / Е. Д. Твердюкова. — Санкт-Петербург : Филологический фак-т СПбГУ, 2011. — 328 с. — ISBN 978-5-8465-1084-5.

11. *Цыренов Б. Д.* История промысловой кооперации в Бурят-Монгольской АССР. 1923—1960 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Б. Д. Цыренов. — Улан-Удэ, 2000. — 178 с.

12. *Чуваев Н. А.* Промысловая кооперация Алтая (1945—1960 гг.) : магистерская диссертация / Н. А. Чуваев. — Барнаул, 2010. — 90 с.

13. *Чуднов И. А.* Кооперация минус частная инициатива равно социализм / И. А. Чуднов, В. А. Осипов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2013. — № 3. — С. 175—184.

14. *Шанин Т.* Формы хозяйства вне систем / Т. Шанин // Вопросы философии. — 1990. — № 8. — С. 109—115.

15. *Hessler J.* A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR / J.Hessler // Slavic Review. — 1998. — Vol. 57.— № 3. — Pp. 516—542. — DOI: https://doi.org/10.2307/2500710.

16. *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917—1953 / J. Hessler. — Princeton — Oxford : Princeton University Press, 2004. — 366 p. — ISBN 0-691-11492-7.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025,
одобрена после рецензирования 12.07.2025,
подготовлена к публикации 09.09.2025.

Material resources

Bannov, A. (1946). The Avangard artel has a good reputation. *Chelyabinsk Worker: [newspaper], 210 (8173):* P. 3. (In Russ.).

Decisions of the party and the government on economic issues. (1968). Moscow: Publishing House of Political Literature. 754 p. (In Russ.).

Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues (1917—1957). (1958). Moscow: Politizdat. 706 p. (In Russ.).

GARF — *The State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).

Kozhurin, V. S. (1995). *People and power (1941—1945). New documents.* Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Public Administration (RAGS). 145 p. (In Russ.).

OGACHO — *United State Archive of the Chelyabinsk region.* (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 7971 (Ministry of Trade of the USSR. 1934—1958) F. 7971. Op. 16. D. 171. L. 192,193.* (In Russ.).

Salov, V. (1947). Expand cooperative trade in cities and working towns. *Chelyabinsk worker: [newspaper], 169 (8390):* P. 3. (In Russ.).

Speech by Comrade L. P. Beria at a meeting of voters of the Tbilisi Stalin electoral district. (1946). *Pravda: [newspaper], 31 (10113):* P. 2. (In Russ.).

References

Aksarin, V. V. (2020). Management of commercial and consumer cooperation in 1946—1950: interaction of central and local authorities (on the example of the Tyumen region). *Nauchnyi dialog, 3:* 284—297. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-284-297. (In Russ.).

Apolovnikov, A. A., Pass, A. A., Potemkina, M. N., Usoltseva, N. L. (2021). *Economic Crime in the USSR during the Great Patriotic War (based on the materials of the Southern Urals).* Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University. 360 p. ISBN 978-5-7271-1770-5. (In Russ.).

Balakhonova, I. N. (2009). *Implementation of party and state policy in the mining cooperation of the Gorky region in 1917—1960.* PhD Diss. Nizhny Novgorod. 295 p. (In Russ.).

Chudnov, I. A., Osipov, V. A. (2013). Cooperation minus private initiative equals socialism. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 3:* 175—184. (In Russ.).

Chuvaev, N. A. (2010). Fishing cooperation of Altai (1945—1960): Master's thesis. Barnaul. 90 p. (In Russ.).

Hessler, J. (1998). A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR. *Slavic Review, 57 (3):* 516—542. DOI: https://doi.org/10.2307/2500710.

Hessler, J. (2004). *A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917—1953.* Princeton — Oxford: Princeton University Press. 366 p. ISBN 0-691-11492-7.

Nikonov, I. I. (1999). *The cooperative movement of Russia in the 30—50s of the twentieth century.* Doct. Diss. Kostroma. 560 p. (In Russ.).

Nikonov, Yu. T. (2000). *History of fishing cooperation in Udmurtia. 1920—1960.* PhD Diss. Izhevsk. 224 p. (In Russ.).

Pass, A. A. (2000). *Cooperative industry and trade in the Urals on the eve and during the Great Patriotic War (1939—1945).* Doct. Diss. Yekaterinburg. 425 p. (In Russ.).

Pass, A. A. (2002). *The "Other" economy: production and trade cooperatives in the Urals in 1939—1945.* Chelyabinsk: ChelGU Publishing House. 236 p. ISBN 5-7271-0579—X. (In Russ.).

Pechalova, L. V. (2023). *Fishing cooperation and cooperation of disabled people in the implementation of the socio-economic policy of the Soviet state (1920—1960): based on the materials of the North Caucasus and the Don.* Doct. Diss. Stavropol. 589 p. (In Russ.).

Shanin, T. (1990). Forms of economy outside systems. *Questions of philosophy, 8:* 109—115. (In Russ.).

Tsyrenov, B. D. (2000). *The history of commercial cooperation in the Buryat-Mongolian ASSR. 1923—1960.* PhD Diss. Ulan-Ude. 178 p. (In Russ.).

Tverdyukova, E. D. (2011). *State regulation of trade in the USSR (late 1920s — mid—1950s): historical and legal analysis.* Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. 328 p. ISBN 978-5-8465-1084-5. (In Russ.).

Vorobyova, A. Y. (2009). Cooperative industry in the recovery period in the Chelyabinsk region (1945—1950). In: *Mobilization model of the economy: the historical experience of Russia in the twentieth century: collection of materials of the All-Russian scientific conference on November 28—29, 2009.* Chelyabinsk: Encyclopedia. 399—407. ISBN 978-5-91274-073-2. (In Russ.).

The article was submitted 14.04.2025;
approved after reviewing 12.07.2025;
accepted for publication 09.09.2025.